

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Туйский всадник.

(К вопросу о ранне-исторических связях между Уралом и Средней Азией).

В 1839 или 1840 году близ Починка Плюсишна, расположенного возле д. Ковипой (Зародята тож) Сенькинской волости Пермского уезда Пермской губ. (ныне Пермского округа Уральской области), на земле крестьянина Плюсишна, по прозвищу Зароденка, при расчистке лесного участка под пашню найдена металлическая фигурка всадника, сидящего на седле. Место находки расположено на левом берегу ключа, впадающего в речку Малый Туй в 240 сажених от последней, на небольшом выступе между логами. Оно лежит приблизительно в 5 в. от Камы¹.

Внешний вид фигуры воспроизводит прилагаемая таблица². Размеры ее следующие: высота 12,7 с., ширина (в ногах) 8,8 с., длина (в седле) 8,4 с.

Внутри фигура имеет полость, причем верхняя часть головы является крышкой к ней: она прикреплялась на шарнире к выступу на затылке. Крышка ныне плотно приделана к фигуре. Следов приноса однако не видно,

¹ Теплоухов Ф. А., Древности Пермской Чуды в виде баснословных животных (ДПЧ) Пермский Край, II, 1893, стр. 31. Затем данные архива Теплоуховых, хранящегося в Пермском Музее: Дела XIII и XV.

² При нижеследующем описании по многим пользуюсь прекрасным и за небольшими исключениями точным описанием Ф. А. Теплоухова, помещенным в вышеуказанной работе. Литература о Туйском Всаднике не ограничивается этой статьей. Впервые он издан П. И. Мельниковым, Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь, Отечественные записки, 1841, т. XVIII, № 9. Затем он изображен у Aspelin I. R., Antiquités du Nord Finno-Ougrien, II, стр. 123. Описание фигуры дается Аспелином и в его работе De la civilisation préhistorique des peuples permien. Travaux de la 3-me session du Congrès international des Orientalistes, II, 1878. Наконец изображение ее имеется еще в статье А. А. Спицына, Несколько статуэток... Изв. Арх. Ком., вып. 53, 1914. Все изображения сделаны от руки. Сама статуэтка ранее находилась в собрании Строгановых, а ныне находится в Отделе древностей Эрмитажа.

да и вообще с лицевой стороны крышка пастолько искусно присоединена к голове, что при беглом взгляде на фигуру совершенно не заметна. Самый шарнир, на котором крышка подымалась, выпал и о его существовании мы можем судить лишь по сохранившемуся отверстию.

Размеры всадника не пропорциональны: голова слишком велика.

Головного убора всадник не носит. Ф. А. Теплоухов в своем, в общем очень хорошем описании фигуры, которой он в натуре не видел, ошибался, полагая, что он носит шалку. Наоборот, отлично распознаются короткие пряди волос, выступ же на темени является чубом. По сторонам лица спускаются длинные пряди, достигающие до плеч и кончающиеся завитками. Волосы не закрывают ушей.

Лицо всадника бородатое. Борода изображается крупными завитками, которых с каждой стороны по три. Над довольно толстыми губами усы, завивающиеся подо ртом. Нос небольшой, узкий в переносице, широкий внизу. Глаза с круглыми широко-раскрытыми зрачками. Торчащие уши придают лицу впечатление обезьяньего, увеличивающееся от низкого лба. Шеп не видно и голова всадника сидит прямо на туловище. Вероятно правильно указание А. А. Спицына, сделанное им в беседе со мной, что отсутствие шеп объясняется техническими причинами, а именно необходимостью оставить внутри всадника достаточно широкую полость.

С лица и кистей рук всадника счищена темная патина, почему они производят впечатление позолоченных, что и вводило в заблуждение многих исследователей, полагавших, что имеют дело с настоящей позолотой.

Всадник одет в кафтан, опускающийся ниже пояса, но не достигающий до колен. В тех местах, где кафтан лежит на бедрах, заметна его оторочка.

Кафтан образует мягкие складки, косо сложившиеся на туловище. Рукава кафтана длинные и доходят до кистей рук. Кафтан подпоясан: пояс, кажется, связан узлом, концы которого спускаются по сторонам седла. На кафтане бросается в глаза какой-то четырехугольник, занимающий левую часть груди: четырехугольник покрыт пересекающимися наподобие сетки линиями.

В правой руке всадник держит плетъ в виде ремня, конец которой достигает спины, в левой — конец поводья, имеющий вид петли: можно предположить, что повод некогда тянулся к голове ныне отсутствующего коня, хотя излом снизу руки сейчас и не ощущим.

На ногах у всадника обувь, подымающаяся выше колен. На правой ноге видны складки обуви, сходящиеся уголками. Обувь мягкая, форм ноги не передающая.

Седло, как выразился Ф. А. Теплоухов, — «в роде английского», но без стремян. На поверхности его можно заметить довольно редкие бо-

роздки перессекающисе под острым углом, так что седло оставляет впечатление простежепного. Следы этих «стежков» видны и на внутренней стороне седла.

Фигура отлита из бронзы хорошего качества.

Всадник представляет в массе пермских древностей явление из ряда воп выходящее. Аналогий ему совершенно нет. Естественно, подымается вопрос, к какой культуре он принадлежал и какого искусства произведением он является.

Ф. А. Теплоухов ограничивается некоторым довольно общими предположениями... «естественно было бы предположить, что... всадник представляет привозный предмет восточного происхождения; но несомненно варварская работа фигуры, теплая шапка и одежда, опояска, отсутствие украшений и пр. показывают, что если мастеру, отлившему фигуру, и служили образцом произведения восточного искусства, то самая фигура приготовлена в северном климате».¹

Как я уже сказал, «теплой шапки» всадник не носит. Опояска и отсутствие украшений едва ли являются достаточными основаниями для отнесения места изготовления фигуры в северные страны. Действительно ли складчатый кафтан всадника является теплой одеждой, весьма спорно: во всяком случае кафтаны носили и в весьма южных областях, например, в Иране.

Таким образом предположение Ф. А. Теплоухова вызывает большие сомнения. Вопрос должен быть подвергнут повому и детальному изучению, тем более что он может дать новый материал для изучения восточных сношений приуральского края, в свою очередь весьма важных для проблемы доисторических торговых путей на территории современной России.

Для разрешения вопроса о культурной принадлежности нашего всадника выясним прежде всего, в какой культурной обстановке он бытовал в Пермском крае. Тогда мы получим крайнюю дату, до которой он мог быть изготовлен. Для этой цели прежде всего нам важно узнать, не были ли найдены вместе с ним какие-нибудь другие предметы и если да, то какие. По выяснении этого, мы, для проверки, рассмотрим находки окрестного района вообще.

На поле Плюшина действительно был сделан ряд находок: все они относятся к годам, близким ко времени нахождения всадника, хотя и не одновременны с ним. Так как это поле по размерам небольшое, то мы имеем некоторые основания связывать друг с другом все предметы, найденные на нем.

¹ ДПЧ стр. 33.

Так, там были найдены (в 1840 и 1843 гг.¹) две серебряные чаши с изображением человеческой фигуры и надписями на шрифте, повидному близком к пехлеви, но до сих пор не читаемом², затем 11 сасанидских монет, начиная от царя Иездегерда I вплоть до Хосроя II (441—628 гг.)³, железный топор, медный кельт (т. е. полый внутри топор⁴), наконец полалы фигурка зверя с характерным точечным орнаментом на туловище⁵ и четырехугольная бляха из серого сплава с изображением трех медвежьих голов⁶. Оба последние предмета типичны для ломоватовского периода пермского железного века. Под ломоватовским периодом я понимаю, следуя Ф. А. Теплоухову, ту культурную эпоху, которую А. А. Спицын называет эпохой VIII—IX вв. н. э. Для этой эпохи характерны следующие украшения: ажурные бляхи с изображением фантастических фигур животных, полые фигурки различных зверей, крупные коншеские привески, поясные бляхи и наконечники без украшающих насечек; шумящие привески еще весьма редки в это время и подвесок в виде настоящих утиных лапок еще совсем нет⁷.

Для ориентировки в последующем кратко охарактеризую культуры из пуральского края в интересующие нас эпохи.

В эпоху до н. э. (VII—II вв. по Тальгрену) Нижнее Прикамье является центром так называемой апальишской культуры, недавно так прекрасно описанной А. М. Тальгреном в его книге: *La civilisation dite d'Apalino*. В это время медь представляет материал доминирующий над железом, которое только начинает появляться. К той же эпохе относятся древнейшие городища края. В отношении произведений декоративного искусства несомненно связи этой культуры со скифским югом. Своею периферией апальишская культура захватывает и пермский край.

В пинборскую эпоху (прибл. от I в. до н. э. по IV в. н. э. по Тальгрену) железо получает преобладающее значение. Из меди делаются лишь украшения одежды, все более и более многочисленные и разнообразные.

¹ Арх. Тепл., Дело XIII.

² Я. П. Смирнов, *Восточное Серебро* 12, 44; текст, стр. 6. Ср. ДПЧ, стр. 33.

³ ДПЧ, стр. 33, Теплоухов Ф. А. Древности Пермской Чуды из серебра и золота и ее торговые пути (= ДПЧС и З). Пермский Край, т. III, 1895, стр. 24. Начиная по отдельному оттиску. Монеты найдены в 1845 г.

⁴ Альбом Волгова из архива Теплоуховых, лист 2, рис. № 4 и № 5 и текст к рисункам: топор изображен так же Аврелин, II, № 625.

⁵ Изображение: Авр., II, 565. Находится в Эрмитаже.

⁶ Изображение: Авр., II, 574. Находится в Эрмитаже.

⁷ Вещественный инвентарь ломоватовской эпохи см. А. А. Спицын, *Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых* (= ДКЧ), стр. 23—29.

Пьяноборской эпохе (известной лишь на юге пермского края) соответствует в средней части губернии гляденовская эпоха (наиболее характерное местонахождение возле дер. Гляденовой, в 25 верстах от Перми; I—IV вв.). Пока известны почти только жертвенные места этого времени. Это так называемые костяца: т. е. скопления костей жертвенных животных и votивных предметов. Судя по последним, уровень культуры был очень низкий. Хотя железо стало более употребительным, но медные украшения в техническом отношении значительно уступают пьяноборским; при том они дают совершенно другие формы. Много костяных изделий. На культурной базе гляденовской эпохи вырастает ломоватовская культура, являющаяся классической для пермского края.

Датировка ломоватовского периода VIII—IX веками, установленная А. А. Спицыным на основании аналогии с вещами других местностей России и отчасти находок монет, может быть несколько узка. Я был бы склонен отнести эту эпоху ко времени приблизительно VI—VIII в., основываясь на отсутствии арабских монет в местонахождениях этого периода: сасанидские же монеты встречаются в них в довольно значительном количестве.

К ломоватовской же эпохе может относиться и топор. А. М. Таллгрена датирует топоры подобного типа 500—1100 годами.¹ Кельт же, типичной апальинской формы, изготовлен конечно гораздо раньше (VI—II вв. до н. э.), но его присутствие в ломоватовской обстановке не столь уже удивительно. Такие кельты иногда попадаются среди предметов поздних эпох: так они встречаются в погребениях Чувашицкого Мыса, около Тобольска, которые датируются приблизительно гляденовской эпохой (I—III вв. н. э.).²

Таким образом предметы местного изготовления ведут нас в ломоватовскую эпоху. Монеты и чаши (вопрос о датировке последних почти не ставился в научной литературе, но несомненно, что они сделаны в домусульманскую эпоху, следовательно не позже VIII в.³) вполне согласуются с такой датировкой.

Итак, если судить по предметам найденным на том же поле, всадник бытовал в ломоватовскую эпоху. Для проверки полученного вывода рассмотрим другие местонахождения окрестного района. Ведь если в ближайших окрестностях обнаружатся поселения других эпох, невольно может возник-

¹ Tallgren A. M. Collection Zaoussailov au Musée National de Finlande à Helsingfors. II, 1918. Стр. 24.

² Heikel A. Antiquités de la Sibérie occidentale. Memoires de la Société Finno-Ougrienne. VI. 1894. Табл. II, рис. 5.

³ Восточное Серебро, стр. 7. Я. П. Смирнов относит их к III—VII векам н. э.

путь предположение, что всадник связан именно с нимп, и попал случайно в ломоватовский антураж. В долине речки Малый Туя доисторических местонахождений известно не мало. Ниже д. Ковиной расположены дд. Гуцата и Опутята, возле которых найдены предметы ломоватовской же эпохи. Выше — дд. Патраки, Коповалята, Антоновцы, с предметами того же времени. Затем в верховьях Мал. Туя известно костыще около д. Панкраши, гляденовской эпохи¹. Кроме того, в ближайшем соседстве, при впадении речки Большого Туя в Каму расположено усть-туйское костыще, тоже гляденовской эпохи.

Таким образом в окрестностях д. Ковиной мы имеем ряд местонахождений ломоватовского времени и несколько, напр., костыща усть-туйское и панкрашевское (может быть, и д. Орлова, на правом берегу речки, возле которой также найден алашский кельт²), относящихся к гляденовской эпохе, следовательно к более раннему времени. Местонахождений с более поздними предметами совершенно не найдено, что для меня очень важно. Ближайшие к д. Ковиной местонахождения дают предметы ломоватовского периода. Все это подкрепляет наше предположение, о связи всадника именно с этим периодом, и делает еще более вероятным, что он попал в землю не позже конца этого времени, следовательно VIII в. н. э.

Какую же роль он играл в обиталище дикаго поселенца берегов речки Туя? Служил ли он игрушкой, украшением, предметом религиозного значения?

В ломоватовский период долина р. М. Туя была, следовательно, открыта рядом становищ, в одном из которых, очевидно, и находился наш всадник.

Уклад жизни обитателей этих становищ, судя по остаткам, во многом напоминает быт современных угров Урала и Зап. Сибири. Во всяком случае основы жизни у обеих народностей одинаковы, что и позволяет мне пользоваться угорским материалом для объяснения значения нашего всадника.

¹ Отдельные примеры находок ломоватовского времени: Опутята: ДКЧ, т. IV р 8 — полый зверь, т. XV р. 23 — браслет с плоскими концами, т. XXIV р. 41 и 47 — красные бусы с белыми узорами; Гуцата: ДКЧ, т. III, рис. 14 — блиха с ломоватовским орнаментом; Патраки: Авр. II, 551 — полая фигурка медведя; Коповалята: ДКЧ, т. XXXVI, рис. 6 — бронзовая пластинка с двумя отверстиями, может относиться и к гляденовской эпохе; Антоновцы: ДКЧ, т. IV, рис. 15 — трубочка в виде «кричащей птицы», т. XXIV, рис. 39 — буса с глазками. Во всем районе М. Туя мне неизвестен ни один предмет заведомо послеломоватовского происхождения, за исключением одной трубочки со вздутыми (ДКЧ, т. IV, рис. 11). Но этому единичному факту я затрудняюсь придавать особое значение при наличии сотен предметов более древнего происхождения. Отмечу сверх того, что вообще во всем районе к югу от р. Обвы мест поселений послеломоватовского времени почти неизвестно, тогда как ломоватовских довольно много.

² ДКЧ, т. XXXV, рис. 27.

В быту современных угров—вогулов и остяков различные чужеземные фигурки нередко играют роль идолов.

Такую роль мог играть и наш всадник.

Затем, если допустим, что пайданные на одном поле вместе со всадником предметы стоят в связи друг с другом не только в смысле принадлежности к одной эпохе, но и в смысле той роли, которую они играли в быту, что весьма вероятно, то это предположение может получить еще некоторое подкрепление. Как я уже указал, к числу таких предметов принадлежат две серебряные чаши. Серебряные и вообще металлические блюда и сосуды играют доныне значительную роль в качестве аксессуаров идолов и в культе у остяков и вогулов. Приведу несколько примеров. Финш, путешествовавший в 1876 г., так описывает остяцкую рощу идолов, виденную им возле деревни Веспугл, на нижней Оби.¹ «В... лесочке... торчала связка, привязанная к стволу дерева футов четырех длиной, в виде мумии, обернутой в красное тряпье с лентами и под нею были укреплены 4 *металлических тарелки*. Две большие, находившиеся сверху, оловянные, были европейского происхождения... Другие казались *серебряными*... Подле этого страшно изукрашенного ствола, другие стволы были украшены саблями, стаканами, мешками, обернутыми в лоскутья. Перед этим, повидному, самой важной частью рощи стояли на подмостках до 80 идолов, сделанных из древесных стволов, длиной фута в четыре, пять и более; у них человеческие головы и лицо... Мумиеобразная связка содержала в себе жертвоприношения... духу Оорту». Б. Н. Городков, посетивший в 1911 г. с экспедицией Л. Р. Шульца, снаряженной Тобольским Музеем, бассейна реки Салыма, притока Оби, так описывает находящееся среди густого леса местоположение остяцких идолов «топхов», как их называют инородцы. «... Мы вышли на небольшую поляну окруженную редким березняком. Здесь стоял амбар, очень примитивно построенный из необтесанных бревен... (В амбаре) прямо против двери стояли прислоненными к стене тонхи, сделанные из кедровых досок. Тонхи были одеты в куски материи, повязанные у шеи. Главный тонх, находившийся по середине и отличавшийся от других своей величиной (до 2 арш.) имел грубо сделанное жестяное лицо. На голову его одеты одна на другую 3 шляпы; из них одна войлочная, а другая—детский картуз, украшенный жестяным якорем. На шее повешен масляный *оловянный таз*... Тут же прислонено оружие...: тяжелый железный меч, с раздвоенной рукояткой,

¹ Финш О. Путешествие в Западную Сибирь. С немецкого 1882. Стр. 436—437.

топор¹, «зарукавный» нож, несколько копий и стрел и *секира*. ...Перед топками стоит небольшой столик-скамья, на котором находится жестяная эмалированная *тарелка* для приклада, состоящего из небольшого количества медных *монет*». ²

Еще несколько примеров употребления серебряных тарелок в качестве украшений идолов у тех же остяков приводит Ф. А. Теплоухов³, а Н. Л. Гондатти сообщает, что серебряные тарелки имеют применение у вогулов, когда шаманы призывают божество Мир-суснэ-хума⁴.

Приведенные примеры достаточно ясно показывают религиозное значение металлических блюд. В ряде случаев блюда сочетаются с идолами. Как показывает описание Б. Н. Городкова, у остяков и поныне встречается в религиозном быте сочетание идолов, блюд и монет, т. е. то, что мы повидимому имеем в ковинских находках. Добавлю, что топор и кельт, найденные на поле Плюснина, как мы видим, находят себе прекрасное объяснение в том же описании. То же относится и к полой фигуре зверя, и к бляхе с головами медведей: ведь и бляха и фигурка являются украшениями одежды, идола же остячки наряжают в ткаш. Конечно наряды идолов более или менее соответствуют моде и весьма вероятно, что ныне мы находим ситец там, где в древности была одежда с металлическими привесками. Впрочем Паллас (путешествовавший в 1771 г.) со слов Зуева прямо пишет, что на платье болвана остяками нашивались медные и железные бляхи в виде фигур всяких животных⁵.

Таким образом и антураж Туйского всадника может подтвердить предположение о его религиозном значении.

Было ли на поле Плюснина некогда большое жертвенное место или же всадник с остальными предметами составлял содержимое чего-нибудь вроде тех сундуков, куда остяки ныне складывают своих домашних идолов и другие предметы религиозного значения — это другой вопрос: для нас сейчас он неважен.

Лишь вскользь отмечу, что едва ли на поле Плюснина находилось большое жертвенное место: иначе мы имели бы налицо костыще, о чем мы

¹ Л. Р. Шульц описывает топор таким образом: «боевой топор, формы близкой к цельту» (В статье: Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым, Сургутского уезда, Ежегодник Тобольского Музея, в. XXI, 1913, стр. 10).

² Городков Б. Н. Поездка в Салымский край, стр. 51—53. В том же выпуске Ежегодника.

³ ДПЧ, стр. 46—47.

⁴ Гондатти Н. Л. Следы языческих верований у манзов. Известия Общества Любителей Этнографии, XLVIII. Стр. 53.

⁵ Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского Государства, т. III, пол. I, стр. 79.

однако не слышим. Если бы оно имелось, то конечно столь точный и столь интересовавшийся именно костницами археолог, как Ф. А. Теплоухов, не преминул был упомянуть об этом в своем подробном описании местности находки всадника¹. Возможно поэтому, что он был одним из семейных идолов, предметом культа одного чума; в таком случае он может явиться параллелью к идолам, найденным С. И. Руденко, совместно с монетой, при раскопках остяцкого кладбища в Обдорске и представляющим остатки содержания сундука или какого-нибудь другого хранилища священных предметов². Но настаивать на этом не буду.

Мы выяснили, что всадник былтовал в ломоватовской культуре, вероятно играя в ней роль идола, и, следовательно, получаем вывод, что всадник сделан не позже VIII в.

Теперь можно перейти к основному вопросу. В какой стране изготовлен всадник? Предметом какой культуры он является? На этот вопрос до сих пор ответа не было дано. Ф. А. Теплоухов, как мы видели склонился к предположению об изготовлении его «в северном климате», хотя и допускал, что образцами для него являлись произведения восточного искусства. Кажется Ф. А. Теплоухов полагал даже, что статуэтка сделана в Пермском крае. По крайней мере, дав описание ее, он говорит, что «так называемый Туйский идол совсем не соответствует тем признакам чудских идолов», которые он привел раньше, и потому «представляет по всей вероятности, не более как статуэтку, изображающую какое-нибудь важное лицо»³. Здесь я уже не буду говорить, о том, что понятие «чудской идол» наш археолог совершенно напрасно ограничивает небольшими металлическими бляхами. Напротив, относительно этих последних как раз и приходится теперь ставить вопрос, являлись ли они действительно идолами или только украшениями костюма, хотя бы и идольского. Но есть ли вообще основания считать фигуру за работу пермских мастеров? Я полагаю, что таких оснований нет. Нам неизвестна ни одна крупная (больше 2 — 3 сантиметров) круглая скульптура из металла, сделанная в прикамском крае. Маленьких же фигур известно несколько⁴, но они относятся ко гряденовской эпохе, и настолько

¹ Добавлю, что подробные описания местонахождений различных предметов в Архиве Теплоуховых знают в районе р. М. Туя только два костница: Панкратиевское и Усть-Туйское.

² Руденко С. И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска. Материалы по этнографии России, т. II, 1914. Стр. 55.

³ ДПЧ, стр. 33.

⁴ Спицын А. А. Гряденовское Костище: Записки Р. Археол. Общества т. XII, в. I, Табл. I, рис. 10, 12, 26; Asp., II, 553 согласно Альбому Волегова из д. Коровята, долина Малого Туя. Спицын А. А. Шамаевские изображения (= ШИ) ЭРРАО, т. VIII, в. I, 1906, рис. 84, 87, 91.

не совершенны, что не выдерживают никакого сравнения со всадником. Мастер, делавший их, едва был в силах наметить руки и ноги. Одежду или бороду он уже передать не смог. Чаше встречаются, и как раз в ломоватовскую эпоху, односторонние рельефные изображения всадников и человеческих фигур на известных ажурных бляхах¹. Однако и эти изображения не выдерживают никакого сравнения со всадником. Это также весьма примитивные схематические фигуры, с очень плохими пропорциями. Затем мы имеем, среди может быть сотни антропоморфных фигур на этих бляхах, только две-три попытки изобразить одежду, да и то обыкновенно жепскую, попытки весьма мало совершенные². Для того, чтобы убедиться в полной невозможности предположения о местном изготовлении фигуры, достаточно пересмотреть атлас А. А. Спицына: «Шаманские изображения».

Если фигура не пермского изготовления, то может быть она «восточного» производства, на что и наводит предположение Ф. А. Теплоухова об образцах «восточного производства». Но что такое «Восток»? У Ф. А. Теплоухова, да и вообще у доисторических археологов этот термин имеет необычайно широкое значение: восточными называются предметы и дальневосточные, напр. китайские, и средне-азиатские, и индийские, и персидские, и арабские, а относительно сканных и зернистых изделий, тоже относимых к восточным, весьма вероятно, что добрая их часть сделана в Византии или в христианских странах Кавказа. С таким всеобъемлющим пониманием термина «Восток», понятным в пору сравнительно неглубокого знакомства с материальной стороной культур Восточной Европы и особенно Аз и, сейчас мне кажется оперировать нельзя, если мы не хотим рисковать неточными выводами. Поэтому поставив вопрос о происхождении фигуры, я стану по очереди разбираться в искусстве отдельных культур так называемого «Востока». Но, так как самое отнесение фигуры к «Востоку» даже в самом широком смысле этого слова пока никем не доказано, то мне придется затронуть и искусство «западных» стран, тем более что приходилось слышать предположения об европейском, именно ранне-средневековом происхождении нашего предмета.

Свой сравнительный обзор я и начну с запада. Есть ли какие-нибудь аналоги нашей фигуре в искусстве эпохи Меровингов и первых Каролингов? Нет, таких я не нашел. Искусство Меровингов и Каролингов исполнено совсем другого духа, чем наша фигура.

Может быть перед нами вещь античная? Допустим, произведение

¹ ШИ, рис. 228, 231.

² ШИ, рис. 176, 183, 185.

поздне-эллинистического искусства или искусства времен империи. Некоторые черты статуэтки как будто говорят за это: так завитки бороды напоминают такие-же завитки на статуях или статуэтках, например, силенов. Как мы и увидим в дальнейшем, генетическая связь здесь действительно имеется. Но если есть признаки сближающие всадника с античным искусством, то другие признаки напротив удаляют его от последнего. Пропорции всадника, его голова, сравнительно очень большая, не соответствуют античным. Одежда у него не только не античная, но и не находит себе аналогии в античных изображениях варваров: как-то очень тесно она обхватывает тело, тогда как античные художники обыкновенно стремились передать известную легкость одежды; характерной для античности любви к изображению обнаженных частей тела мы на всаднике также не замечаем. Наконец, и это может быть самое важное, тип лица, с его круглыми глазами и расширяющимся книзу носом, не встречается себе аналогии в греко-римской скульптуре.

Мое впечатление, что статуэтка не является античной, было подкреплено авторитетными указаниями специалистов. В том же смысле высказались как О. Ф. Вальдгауер и Г. И. Боровка, так и Б. В. Фармаковский.

Также нет основания считать фигуру ранне-византийской или вообще сделанной на христианском Востоке. Среди соседей последнего едва ли даже нашлись бы народности, тип которых мало мальс и напоминал бы нашего всадника.

Гораздо больше оснований казалось бы для того, чтобы считать его сасанидским. Ведь на пашне Плюснина найдены 11 сасанидских монет! Но и это предположение не выдерживает критики. Траировка волос и бороды у сасанидских голов, возьмем ли мы рельефные изображения и гравировки на серебряных блюдах¹, или же рельефные изваяния на скалах, изданные так прекрасно Sarre и Herzfeld'ом², всегда совершенно иная. Сасаниды жили в искусстве традициями ахеменидскими, базировавшимися на искусстве Двуречья, столь ярко выраженном, например, в Ассирии. Стилизованные бороды изображений царей и частных лиц, их широкие, тоже стилизованные шевелюры не имеют ничего общего с реалистической манерой изображения лица нашего всадника.

И сасанидская траировка одежды, весьма мелочная, тщательно подчеркивающая детали, носит совершенно иной характер, чем траировка кафтана нашей фигуры.

¹ В. С. 53, 54, 56, 57, 58.

² Sarre und Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, passim.

Таким образом нет аналогии и в искусстве сасанидов. Понцем дальше. В северных частях Восточного Ирана и в современном русском Туркестане возник в III веке до н. э. художественный центр в лице державы греко-бактрийской. Около того же времени в Индии, в эпоху царя Ашоки, мы видим подъем скульптуры и архитектуры на службе у буддизма. Вторжение греко-бактрийских государей в Северную Индию во II веке и основание там могущественного государства приводит к усилению эллинистических элементов в Индии. Создается эллинистическое буддийское искусство в Пенджабе, так называемое гандхарское, эпоха расцвета которого начинается скоро после нашей эры, когда на смену греческим царям северной Индией стали править пришельцы из той же Бактрии, что и греки, цари кушанские. Кушаны (или индо-скифы, как их часто едва ли очень удачно называют) вытеснили греков из Туркестана во II веке до н. э., а около н. э. овладели и Индией. Их покровительству и обязано своим богатым развитием гандхарское искусство, которое в свою очередь стало оказывать влияние с одной стороны на Восточный Иран, затем на Туркестан, а с другой, через горы Кашмира, на нынешний Китайский Туркестан и еще дальше на Восток. Его распространение стояло в тесной связи с проникновением буддизма в эти области, начавшимся при кушанских царях¹.

Правда, поскольку можно судить по скудным остаткам, в Средней Азии продолжали существовать и традиции, не связанные с Индией, но ведущие свое происхождение еще со времен греко-бактрийских. Они способствовали известной оригинальности средне-азиатского искусства эпохи после н. э.

Теперь посмотрим, нельзя ли нашего всадника поставить в связь с этим художественным миром. Так как художественная жизнь Средней Азии имела несколько центров (в современных Афганистане, русском Туркестане, Китайском Туркестане) и многие из этих центров известны нам очень плохо, между тем как из весьма сильно влиявшей на них Индии как-раз нам известен богатейший материал, то сначала и обратимся к сравнению нашего предмета с индийскими скульптурами.

Прежде всего Гандхара является искусством реалистическим, наш же всадник несомненно также продукт реалистического искусства. Затем у всадника есть некоторые специальные черты, вследствие которых он, при первом же взгляде, оставляет впечатление предмета *близкого* к Гандхаре, И мягкость форм, и округлость лица, и гибкость складок, все это напоминает индийское искусство.

Более детальное изучение приводит нас к тому же. К сожалению

¹ Ср. между прочим Бартольд В. В. Восточно-Иранский вопрос. ИРАИМК, II, стр. 367.

наиболее подходящие аналоги, в виде бронз, из Индии этой эпохи нам неизвестны. Нет в индийском искусстве изображения всадников-варваров. Поэтому придется привлекать материал в смысле сюжета далекий и вследствие этого сравнивать лишь отдельные детали, попутно касаясь общих вопросов стиля.

Борода всадника (вообще в индийском искусстве преобладают безбородые головы) имеет аналогию в головах из штука из различных святынь северной Индии.

Как пример приведу головы из Сиркапа близ Таксилы¹. У этих голов завитки бороды изображены той же манерой, что и у нашего всадника. В остальном правда сиркапские головы сильно отличаются от всадника. Они еще довольно близки к сильно подчеркнутому натурализму эллинистических прототипов этих бородатых фигур (такими прототипами, как отмечают С. Ф. Ольденбург и А. Штейн², являются головы силенов) и по своему художественному значению стоят неизмеримо выше всадника. Но для нас сейчас это не имеет значения.

Для меня важно лишь показать, что *манера изображения* бороды в виде крупных завитков не чужда индийскому искусству (тогда как сасанидскому она чужда).

Не чужда ему и манера изображать волосы в виде локонов. Как пример приведу статую боддхисатвы из Музея в Лагоре³. Пышные локоны этой высокохудожественной статуи ниспадают до самых плеч. Боддхисатва из Лагора, опять таки в художественном отношении несравним со всадником, но для нас и в данном случае достаточно констатировать лишь наличие в индийском искусстве локонов, спускающихся до плеч и трактованных сходно с нашими. Отмечу опять, что и волосы локонами встречаются не так часто в искусстве Гандхары.

Перейдем к одежде. Кафтан не принадлежит к индийскому костюму. В скульптуре он встречается лишь как одежда варваров или злых существ, например сообщников врага Будды Мары⁴, причем он не подпоясан и вообще отличается от нашего кафтана. У этих же существ кафтан бывает покрытым как бы сеточкой из пересекающихся линий⁵, что означает либо стеганую одежду, либо, что скорее, кольчугу. Такая сеточка несколько

¹ Archeological Survey of India, Report of 1912—13. Pl. XVIII и XX.

² Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г., 1914. Текст, стр. 10. Stein A. Serindia. 1911, III, стр. 1191 след. С последним трудом я мог ознакомиться лишь благодаря любезности С. Ф. Ольденбурга.

³ Grünwedel A. Die buddhistische Kunst in Indien 2 Aufl. 1900. Fig. № 88.

⁴ Foucher. L'art gréco-bouddhique du Gandhâra I. 1905. F. 202.

⁵ O. c. f. 201.

напоминает страшный четырехугольник на груди нашего всадника и вызывает предположение, что он изображен носящим под складчатым кафтаном кольчугу или стеганую одежду.

Мягкая безформенная обувь нашей статуэткы находит параллель в обуви кушанских царей на статуях из Матхуры¹. Даже складки обуви показаны на этих статуях весьма сходно с нашими. Интересно, что эти кушанские цари одеты в кафтаны той же длины, как и кафтан нашего всадника.

Произведенный анализ показывает, что наша статуэтка близка к индийскому искусству. Как мы видели, ряд ее элементов, например трактовка бороды, волос, форма обуви и т. п., равно как и общий стиль находят некоторые аналогии в Гандхаре.

Тем не менее нам представляется эта близость слишком недостаточной, чтобы относить всадника непосредственно к гандхарскому искусству. Может быть удастся найти произведения искусства более близкие? Для дальнейших розысков естественнее всего обратиться к Средней Азии. Туда ведет нас и кафтан, более естественный как костюм обитателей высоких и холодных равнин Туркестана, чем жарких долин Индии. Туда ведет нас и мигкал обуви, замеченный нами на памятнике, представляющем статую одного из Кушанов, являющихся пришельцам из Туркестана.

Восточный Иран, Западный и Восточный Туркестаны могут дать и в настоящее время лишь довольно скудный материал для исследователя искусства. Систематические раскопки производились лишь в Восточном Туркестане (Хотан, Карашар, Турфан), где особенно ценны исследования экспедиций сэра А. Штейна, С. Ф. Ольденбурга и Грюнведела. Для остальных областей мы имеем лишь единичные находки, часто даже трудно локализуемые.

Начнем с Западного Туркестана, более близкого к Индии. Из находок этой области представляют большой интерес оссуарии (хранилища для костей умершего), найденные в Биа-наймане, Катты-курганского уезда, Самаркандской области. Эти оссуарии изданы Б. Н. Кастальским². Имеющиеся на их стенках рельефные изображения мужских фигур представляют некоторые черты сходства со всадником. Особенно интересна одна фигура³. Голова ее своими очертаниями напоминает голову нашей фигуры. Тоже широкое лицо, те же толстые губы, такая же борода, состоящая из завитков; правда завитки мельче и их больше числом. Волосы биа-найман-

¹ Archeological Survey of India. Report of 1911—12, 1915. Pl. LIV

² Кастальский, Б. Н. Биа-найманские оссуарии.

³ О. с. табл. к стр. 16.

ской фигуры также доходят до плеч, и хотя локонов и нет, несколько напоминают по манере изображения волосы всадника, особенно если на них смотреть с боку (см. таблицу). Но только голова обнаруживает черты сходства; одежда фигур на оссуариях совершенно иная: они носят широкие длинные рубашки.

Биа-найманские оссуарии кажется дают возможность локализовать одно блюдо найденное в Мазандеране, Северной Персии. Блюдо это издано в «Восточном Серебре» под № 66. Изображения голов человеческих фигур на нем представляют очень значительное сходство с головами только что разобранной фигуры на оссуарие. Вследствие этого, мне кажется, мы можем с некоторым основанием относить это блюдо к Туркестану, тем более, что оно по своему характеру, по манере изображения и одежде фигур весьма отличается от сасанидских. Правда на нем имеется пехлевийская надпись, но уже то, что эта надпись нанесена по середине блюда, между изображениями, ясно свидетельствует о том, что она вырезана не одновременно с чеканкой блюда. Эта пехлевийская надпись, равно как и нахождение в Мазандеране говорят только о том, что это блюдо попало и к пехлевийским владельцам, что вполне вероятно.

Голова главной фигуры, очевидно царя или князя, представляет известное сходство с головой всадника; хотя трактовка волос и совершенно иная, но широкое лицо, завитки бороды, до некоторой степени глаза, очень похожи. Но сходство не только в голове, *косые складки* кафтана весьма схожи с косыми же складками кафтана нашей фигуры. Подобные косые складки на кафтане мне известны только на настоящих двух предметах. Кафтан мазандеранского блюда также подпоясан. То, что головной убор (на блюде: диадема с лентами) различен, конечно не столь существенно: тем более, что наша статуэтка изображает не государя или его приближенного, а повидимому простого всадника. Если в гететическом ряде сиркапские головы стоят раньше нашего предмета, то разобранные фигуры, судя по измельчанию форм, например завитков бороды и по общей окаменелости их (особенно заметной на мазандеранском блюде), должны быть поставлены позже него.

Добавлю, что чеканенные где-то в районе Западного Туркестана так называемые (ошибочно) позднекушанские монеты¹ имеют на реверсе изображение всадника с чем то вроде ремня или пагайки в поднятой руке. Следовательно подобный сюжет не был чужд Туркестану.

¹ Марков А. К. Неизданные арсакидские монеты. ЗВРАО, VI. 1892, стр. 299 сл. О датировке этих монет см. ниже.

Таков очень скудный мне известный материал, доставляемый Западным Туркестаном и смежными районами. Мы видим, что широкое лицо с длинными волосами и с завитками свойственно местному искусству, мы видим, что и кафтан с косыми складками и всадник с ремнем тоже встречаются; в общем в Западном Туркестане мы попадаем в художественный круг, стоящий несколько ближе к нашему всаднику, чем индийский. И опять отсутствие металлической скульптуры затрудняет сравнение.

Остается еще западный, Восточный Туркестан.

Ближе всего к Индии лежит Хотан, исследованный сэром А. Штейном. Хотанское искусство, всецело буддийское, находится под более сильным влиянием Индии, чем западно-туркестанское, где буддизм не был столь значительным.

В произведениях хотанского искусства (терракота главным образом) мы найдем некоторые аналогии. На некотором сходстве складок и общей манеры изображения лица я останавливаться не буду. За то отмечу, что чуб, у хотанских фигур всегда небольшой, в противоположность индийскому, напоминает чуб нашего всадника¹. На некоторых терракотовых же головах из Хотана, хранящихся в Эрмитаже, встречается довольно странная манера изображать локон, вырастающим под ушами². Но если мы посмотрим внимательно на таблицу, то увидим то же самое и у нашего всадника. Мне не приходилось в других местах встречать такой манеры.

Но наиболее интересными для нас являются находки С. Ф. Ольденбурга и того же сэра А. Штейна в Карашаре, лежащем в северном Восточном Туркестане³. Здесь в буддийском монастыре возле селения Шикшин найдены формованные из глины головы в духе сыркарских, довольно близкие ко всаднику. У карашарских голов совсем те же крупные завитки бороды, что и у всадника. Губы толстые, заметные — те же. Глаза, почти круглые, в противоположность вытянутым индийским и большинству восточно-туркестанских, опять-таки очень похожи на наши. Нос очень сходен. Весь облик лица и головы совершенно тот же, что и у нашей фигуры. Карашарские головы являются произведениями наиболее близкими к Туискому всаднику из всех мне известных.

¹ Stein A. *Ancient Khotan* II, *passim*.

² Отдел среднеазиатских древностей.

³ Головы из Шикшина: Музей Этнографии РАН №№ 1719/44, 1720/31 fig. 4, 1720/32 f. 4, 1720/609 (доставлены экспедицией С. Ф. Ольденбурга); Stein A. *Ruins of desert Catay*, II. 1912. Pl. 270 figg 1, 3, 8; Pl. 271 figg 1, 3; его же *Serindia*, IV. Pl. CXXXII №№ Mi XI 00104, 00107, 00123, 00103, 00102; текст, vol. III стр. 1191 сл. Близкая манера выполнения бороды (тоже из Карашара): Ольденбург. Русск. Турк. Экспед. рис. 8 и 9. О технике изготовления этих голов см. Дудин С. М. Техника стенописи и скульптуры... в Сборнике Музея Антропологии и Этнографии Т. V в. I.

Я этим отнюдь не хочу сказать, что Карашар является местом изготовления нашего всадника. Отнюдь нет. Между карашарскими головами и ним есть и значительное различие: например они не окаймлены длинными, падающими до плеч локонами. С другой стороны головы выполненные в том же стиле, правда несколько менее схожие с нашим всадником, чем карашарские, известны из Тумшука (между Кашгаром и Кучаром: раскопки Пеллио), из Кучара (раскопки Грюнведеля), из Идикутшари (около Турфана: раскопки Грюнведеля)¹. Затем на стенописи из такого же нецерного храма, как и карашарский, у Кызылы возле Кучара тоже встречаются головы аналогичного типа. Особенно интересно одно изображение фигуры с громовым топором (Vajgarādi по Грюнведелю): борода и вообще лицо её выполнены в почти той же самой манере, что и у штукowych голов из Карашара и у всадника. Совершенно такие же изображения из округа Кучара имеются в Этнографическом Музее Академии Наук². Эта манера свойственна, таким образом, в Восточном Туркестане не только Карашару, как а priori и следовало полагать, хотя должен отметить, что особенно близкий к нашему всаднику стиль может быть прослежен пока лишь в кучарско-турфанском районе; на юге Вост. Туркестана, например, в Хотане подобных голов пока неизвестно.

Вместе с тем карашарские головы дают нам ясное понятие, что генетически голова нашего всадника происходит от типа силенов, с длинной густой бородой, с обильной шевелюрой, с выразительными чертами лица. Не в связи ли с этим наш всадник награжден торчащими ушами, тогда как обыкновенно, у голов с длинными локонами, волосы скрывают уши?

Если прототипами разбираемых голов являются различные изображения силенов греческого искусства эпохи эллинизма (близость к которым ясно чувствуется), то дальнейшим развитием этого типа, кажется, являются различные страшилища вроде встречающихся в Идикутшари, в Дунхуане и затем вообще обычных в китайском искусстве³. Но здесь уже античность не чувствуется. Тем не менее эти фигуры с широкими широколобыми

¹ Тумшук: Maybon A. L'art bouddhique du Turkestan Oriental. La Mission Pelliot 1906—1909 в L'art décoratif. 1910. Août, рис. на стр. 49 и 61; Кучар: Grünwedel A. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebungen im Winter 1902—1903. 1905. Напр. XIII f. 2.

² Напр. стенопись из Кучарского округа: Музей Этнографии РАН № 1386—1, 3, 4: Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkestan. 1912, figg. 345, 346. Отмечу, что на некоторых изображениях из этого издания мы видим клетчатый костюм, который напоминает «нагрудник» всадника.

³ Напр. новая китайская статуя в Дунхуане. Maybon о. с. стр. 61. Также в Le Cogl. Chotscho. 1913, Taf. 55.

лищами, с выпученными широко раскрытыми глазами, с узким сверху и широким внизу носом, с подчеркнутой мускулистостью щек обнаруживают определенное развитие особенностей карашарских штукковых голов в сторону утрировки безобразных с китайской точки зрения признаков. Только бороды у них нет.

Итак резюмируем наши выводы.

Разобравшись в искусстве различных стран Евразии до VIII в., мы пришли к выводу, что Туйский всадник не может принадлежать ни к ранне-средневековому европейскому, ни к античному, ни к сасанидскому искусству. Добавлю, что он не может также быть и китайским произведением. Единственная художественная область, куда его можно отнести, это область индийского искусства в широком смысле слова. Но продуктом гандхарского искусства он, при всей близости к нему, не является. Он гораздо ближе к произведениям стоявшего под влиянием Гандхары среднеазиатского искусства. Куда именно, к какой области Средней Азии его следует отнести, сейчас, при скудости материала, трудно сказать. Пока наибольшие аналогии к лицу и голове всадника дает Восточный Туркестан, особенно Карашар и его район. Зато кафтан с косыми складками, локоны, спускающиеся на плечи (отсутствующие в скульптуре Вост. Туркестана) ведут нас как будто бы более на запад, в русский Туркестан. Может быть родина всадника все-таки Восточный Туркестан. Но пока решаюсь высказать это лишь в виде предположения, так как доказать невозможность, например, западно-туркестанского происхождения пока нельзя.

Во всяком случае Туйский всадник продукт средне-азиатского искусства I тысячелетия.

Возникает вопрос, чем собственно являлась эта фигура. Наличие крышечки дает совершенно определенный ответ на этот вопрос. Всадник являлся частью сосуда. Весьма правдоподобно предположение что всадник собственно говоря являлся горлышком сосуда, через которое наливалась жидкость, главным же вместителем был конь, ныне отсутствующий. Вытекала же жидкость через морду или грудь коня.

Нам известны некоторые сосуды более позднего времени в форме животных, происходящие из Ирана; ничего невероятно нет в том, что существовали и сосуды в форме всадников.

Итак всадник относится к I тысячелетию н. э.

Но нельзя ли попытаться датировать его более точно? Мне кажется, что до известной степени можно. Пока мы видели, что *terminus ante quem* для него это конец ломоватовской эпохи — следовательно VIII век, а *terminus post quem* — I в. н. э., начало гандхарского искусства. Для

более точной датировки отправным пунктом мне кажется может явиться датировка карашарских святынь: А. Штейн в этом отношении очень осторожен и ограничивается указанием на то, что последние посещения верующими этих святынь относятся к царствованиям китайских императоров Дай-цзуна (период Да-ли 766 — 779) и Дэ-цзуна (Цзэн-чжун 780 — 783), монеты которых откопаны в Карашаре, добавляя, что постройка самих сооружений относится к более раннему времени¹. Вообще вопрос о датировке этих святынь может быть решен более или менее окончательно после подробного сравнительного изучения всего материала дошедшего до нас из Средней Азии, к чему еще почти не приступлено. Пока возможны только предварительные предположения. Таковыми и являются нижеследующие соображения. Нам известно по «Истории Северных дворов», что около 430 г. Карашар был погромен китайцами, а около 500 года карашарская область была разорена Ета, т. е. эфталтами² и разорена повидимому основательно. В высокой степени вероятно, что сооружение и украшение святынь относится к эпохе до этих погромов, т. е. до середины V века. С другой стороны, согласно китайскому источнику, население Карашара в III веке лишь частично исповедывало буддизм³. Повидимому эта эпоха и являлась как раз временем проникновения буддизма в более восточные области Восточного Туркестана. Таким образом для постройки святынь мы получаем время от III века до середины V века: возможно, что они построены в начале укрепления буддизма, что соответствовало бы сравнительной близости глиняных голов к сиркапским головам I—II века. Так как всадник в стилистическом отношении моложе голов, то возможно допустить, что он изготовлен в IV—V веках.

Соответствует полученному выводу датировка Грюнведем росписи Кучара (с упомяннутыми на стр. 426 параллелями к нашей голове) IV веком⁴.

Наконец и а priori трудно предположить живучесть античных традиций еще времен эллинизма — а они очень чувствуются напр. в карашарских головах — позже VI в. н. э.

Итак всадник происхождения средне-азиатского, м. б. восточно-туркестанского, и, так как в стилистическом отношении он моложе глиняных голов, то вероятно относится к IV — VI векам.

¹ Serindia, III, стр. 1191 след.

² Григорьев В. В. Дополнения в книге К Риттер. Землеведение. Вост. или Кит. Туркестан. Русск. перевод. В. II, отд. I. 1873, стр. 87 (на основании о. Иакнифа; ср. Chavannes Ed. Documents sur les Tou-Kiu occidentaux. Стр. 224).

³ Григорьев В. О. с. стр. 93.

⁴ Grünwedel A. Al.-Kutscha. Предисловие.

Таким образом мы имеем новый факт, свидетельствующий о проникновении средне-азиатских предметов в западно-уральский край в эпоху до-мусульманскую.

До сих пор в научной литературе вопрос о связях между Средней Азией и Уралом трактовался лишь как вопрос о сношениях сасанидов или арабов. Вопрос же о сношениях уральского края с не-сасанидской и еще до-арабской Средней Азией и не подымался, хотя в литературе и попадаются указания на находки отдельных предметов, могущих свидетельствовать о таких связях.

Для того, чтобы можно было представить себе, насколько все-же значительны эти связи, я попытаюсь сопоставить весь имеющийся материал.

Древнейшими средне-азиатскими находками в Приуральи являются несколько медных «индоскифских» монет, найденных на Гляденовском костыще, приблизительно в 25 верстах к югу от города Перми. Среди них одна принадлежит кушанскому царю Кадфизу I, царствовавшему в Бактрии и Северной Индии в половине I века н. э., другая — к числу монет сака Сасана (прежде читали: Санабар), одного из преемников Гондофарна, жившего повидимому в I же веке где-то в Северной Индии¹. Эти монеты, датирующие между прочим Гляденовское костыще, могли попасть на Каму только через Среднюю Азию. Отмечу также, что сколько мне известно, эти монеты являются единственными монетами этой области и этой эпохи, найденными в Европейской России.

Более поздними являются монеты, найденные на речке Ломоватовке близ дер. Бесптанной в северной части Пермского уезда, в граненом металлическом сосуде². Это четыре серебряные монеты с легендой на шрифте если не согдийском, то близком к нему. Одна такая монета, медная, найдена, кажется отдельно, в районе той же речки Ломоватовки³. Другая, серебряная — в районе с. Слудки, следовательно в той же местности. Это находки, сделанные в районе поселений ломоватовского периода.

К тому же типу относятся, вероятно, 2 «бактрийские» монеты, найденные близ д. Шестаковой Красноуфимского уезда Екатеринбургской губернии; вместе с ними найдены несколько сасанидских и византийских монет относящихся ко времени с V века по 614 год⁴.

¹ Спицын А. А. Гляд. кост. стр. 42 отд. отт.; датировка Кадфиза I по Смису и Маршаллу; о царе Санабаре см. Марков А. К. о с. стр. 294 след.; о Сасане — Marshall. The Date of Kanishka. JRAS. 1914, стр. 979, 980.

² Теплоухов Ф. А. ДПЧС и З, стр. 24. Aspin. De la civilisation préhistorique... Стр. 26 отд. отт.; Авр. II рис. 582 (сосуд); монеты см. Thomas E. Indo-parthian Coins. JRAS of Bengal. N. S. IV. 1870, стр. 503—531. Сосуд и монеты находятся в Эрмитаже.

³ ДКЧ, т. VII, рис. 18.

⁴ ДПЧС и З, стр. 25; Григорьев В. В. ЗАО т. V. Перечень заседаний, стр. 58.

Наконец мне показывали в с. Кудымкоре (Усольского уезда Пермской губ.) найденную там случайно медную монету, напоминающую найденные на р. Ломоватовке. Более точную аналогию ее представляет эрмитажный экземпляр № 1 коллекции монет этой группы.

В 1892 г. А. К. Марков датировал эти монеты предположительно III—IV веками и отнес их к поздним Кушанам¹. После, повидимому, он изменил свое мнение, так как в Эрмитажном собрании они сопровождаются пометкой рукой Маркова же: «Хорасмийские», причем последние из них отнесены к эпохе начала арабского господства в Хорезме. Тогда всю группу монет придется датировать концом приблизительно концом VIII века. Что вообще в Хорезме до арабов (вплоть до Харуп-ар-рашпа) чеканилась монета, мы знаем например из Наршахи и Мукадаси². Но до сих пор, сколько мне известно, ни один известный монетный тип не пытались связать с этой страной.

Как я уже указывал, среднеазиатские находки в Приуралье не ограничиваются одними монетами. Ряд серебряных сосудов, найденных в крае, происходит оттуда же. Во первых, сюда относятся чаши с надписями неизвестным, может быть близким согдийскому, письмом (начертания букв напоминают последнее), частью с изображениями на дне. Если следовать Я. И. Смирнову, то их придется относить к III—VII векам.

Такие чаши известны из д. Ковинной (две чаши, найденные на одном поле со всадником), из починка Верхне-Березовского, в бассейне речки Полуденной, несколько западнее М. Туя (две чаши), из Нижне-Шахаровки Красноуфимского уезда (3 сосуда)³. Затем несколько отличная по стилю чаша, чрезвычайно интересная по своим изображениям, частью близким к эллипсному искусству, тоже с аналогичными надписями, имеется в числе посуды клада, найденного близ с. Вереша Пермского уезда⁴. Вероятно средне-азиатского же происхождения блюдо из д. Кватъпилеевой Усольского у. и четвертое блюдо из Нижне-Шахаровки⁵. Оба эти блюда тоже весьма близки к эллинскому искусству. Наконец блюдо из Кулагыша, Кунгурского уезда, также, как я полагаю, средне-азиатского происхождения⁶. Странные необычные фигуры воинов в длинных кольчугах имеют некоторые аналоги в терракотовых фигурах и стенописи из района Кара-

¹ Марков, о. с. стр. 298 след.

² Лерх П. Монеты Бухар-Худатов, стр. 65, 72, 102—116 («История Наршахи» и Мукадаси).

³ В. С. 42, 44; 45, 47; 46, 71, 72.

⁴ В. С. 68; ДПЧС и 3 стр. 5.

⁵ В. С. 69 и 36.

⁶ В. С. 50.

шара¹, а их же трехконечные головные уборы невольно хочется связать с трехконечными шапками некоторых фигур на турфанской стенописи².

Теперь к этим средне-азиатским предметам присоединяется еще папша статуэтка.

Кроме того могу добавить еще некоторые вещи.

Напр. страшные предметы, неопределенного назначения, сделанные из нефрита (может быть орнаментация рукоятей мечей или сабель: предположение А. А. Сипцына). Один из них происходит из поля Беклемышева (район реки Полуденной Пермского уезда), другой, кажется, из деревни Марковой на Ломоватовке³. Так как центром добычи нефрита являлся в эту эпоху Хотан, откуда, как дорогой продукт, он шел в большом количестве между прочим на Восток и Китай, то весьма вероятно, что папши нефритовые поделки происходят отсюда же, тем более что беловатый цвет упоминается как один из цветов хотанского нефрита⁴.

Монеты, серебряная посуда, медная статуэтка, нефритовые поделки, вот те предметы, средне-азиатское происхождение которых мы можем утверждать с достоверностью или большою вероятностью. Возможно, что в Приуралье просачивались и многие другие продукты этих областей, например ткани, оружие. Может быть и среди известных нам предметов еще не один окажется средне-азиатского происхождения.

Все названные предметы связываются с гляденовской или ломоватовской культурами. В бассейнах Туя, Ломоватовки, Полуденной, в Кунгурском районе вообще до сих пор замечены следы только этих культур. Лишь две находки, возле д. Кватышлеевой и в Кудымкоре, сделанные в районе верховьев реки Иньвы (Усольский уезд Пермской губ.), происходят из территории, древнейшие вещи с которой относятся к загарскому периоду (IX—X в.), а ломоватовских местонахождений вовсе не найдено. «Кушанская» монета найдена в Кудымкоре на участке против больничного сада через улицу⁵, а во дворе той же больницы, следовательно совсем рядом, обнаружены предметы вероятно из погребения именно загарского периода⁶. Возможно, что в иньвенском районе эти средне-азиатские вещи бытовали несколько дольше ломоватовского периода.

¹ Этногр. Музей РАН № 1719/115, стенопись из Шикшина; Serindia IV, т. CXXXV, Mi XII 0010, 0015, 0017.

² Grünwedel. Altbuddh. Kultst., figg 642, 644a. Подчеркиваю, что вообще трехконечный головной убор из других мест Туркестана пока неизвестен.

³ ДКЧ т. II, рис. I и т. III, рис. 17. Авр II. 631: изображение подобного же предмета, найденного в Пермск. же губ.

⁴ Риттер К. Землеведение. Вост. или Кит. Туркестан. Русский перевод. В. I стр. 82 сл., также стр. 90.

⁵ Показание местного кудымкорского деятеля Ф. Г. Тараканова, владельца этой монеты.

⁶ Сообщение антрополога МАЭ Российской Академии Наук Б. Н. Вишневого.

Таким образом в гляденовскую и юмоватовскую эпохи, со II—III века по VIII в., в пермский край проникали средне-азиатские предметы.

Теперь перед нами становится вопрос: имеем ли мы дело с самостоятельными сношениями средне-азиатских стран с Уралом или же средне-азиатские предметы попадали в край благодаря посредству сасанидских персов или арабов. Вопрос этот весьма важен для истории торговли и торговых путей Евразии в первом тысячелетии н. э.

Прежде всего отмечу, что первые пока известные предметы средне-азиатского происхождения на пермской почве — монеты Гляденовского Костища — попали в край весьма вероятно еще до сасанидов. То обстоятельство, что с этими несколькими монетами монет, скажем арсакидских или сасанидских не найдено, как будто говорит за то, что монеты из Костища попали путем, ведущим на Урал минуя области арсакидов или сасанидов. Тогда этот путь можно поставить в связь с культурной близостью некоторых элементов гляденовской культуры с западной Сибирью. Впрочем для суждения по этим вопросам известно еще слишком мало материала.

Многие из вышепозванных средне-азиатских предметов найдены совместно с сасанидскими. Например, находки из д. Ковиной, из д. Шестаковой, из Нижне-Шахаровки и Веренна (в двух последних местах найдено совместно со среднеазиатским серебром также и серебро сасанидское¹). В кладах из Веренна и Шестаковой имеются также предметы и греческие (в первом²), и византийские (во-втором³). Для вопроса о направлении путей содержание этих кладов таким образом едва ли что может дать.

Однако если мы вспомним, что во времена саманидов существовали оживленные торговые сношения Туркестана непосредственно с севером, как о том повествует ряд арабских писателей IX—X веков, если сопоставим с этим только что высказанное предположение относительно гляденовской эпохи, то становится весьма вероятным, что прямой путь действительно существовал в домусульманскую эпоху, и следовательно среднеазиатские предметы проникали на Урал минуя Иран. Что вообще торговля процветала в Западном Туркестане, в частности в Маверанахре в эпоху непосредственно предшествовавшую мусульманскому завоеванию, весьма подчеркивает В. В. Бартольд⁴. Носителями ее являлись согдийцы, торговые колонии которых распространялись далеко на восток вплоть до Китая.

¹ В. С. 58; 57 и 95.

² ДПЧС II 3, стр. 5.

³ ДПЧС II 3, стр. 25.

⁴ Бартольд В. В. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. Средне-Азиатский вестник. Июнь, 1896, стр. 6 отд. отт. Затем того же автора Восточно-Иранский вопрос (= ВИВ). ИРАИМК, II, стр. 376.

В арабское время IX — X века, согласно Масуди, Эль-Балхи, Мукаддаси отправным пунктом для караванов шедших на север в Болгары, являлся Хорезм¹. Может быть эта же страна, археологически совершенно не изученная, была исходным местом торговли и в предшествующее время. Большая вероятность хорезмийского происхождения вышеупомянутых монет подтверждает такое предположение.

Некоторые находки кажется дают нам возможность установить и направление пути. Я обращаю внимание на восточную ориентацию находок среднеазнатского серебра. И Верейно, и Н. Шахаровка, и Шестакова принадлежат к самым восточным и юго-восточным пунктам пермских культур II—VIII вв. Затем одно блюдо среднеазнатского же происхождения найдено в Кустанайском уезде б. Тургайской области², другое в б. Оренбургской губернии³.

Наконец, известны находки уже из Туркестана. В районе же Волги и в вятском крае таковых совсем не найдено, тогда как сасанидские и близкие им сосуды в сравнительно большом количестве находятся именно в волжском районе и Вятской губернии и отсутствуют за Уралом (за одним исключением). Создается впечатление, что существовало два пути: западный, волжский — которым пользовались сасанидские персы, а впоследствии, как мы уже точно знаем, арабы, и восточный, степной — которым пользовались среднеазнаты, а в последствии опять таки и арабы. По этому пути шел например Ибн-Фадлан⁴. Конечно все эти выводы о направлении домусульманских торговых путей пока предположительны. Одно можем утверждать с большой категоричностью — торгового пути по Иртышу, о котором думал И. Аспелин⁵, в те времена не было. По крайней мере нам неизвестно ни одной соответствующей находки из района Иртыша. Сомнения Ф. А. Теплоухова на этот счет вполне правильны. Такой путь начал существовать вероятно лишь в поздне-арабское время.

Что могли давать обитатели пермской страны в обмен на изделия южных стран до некоторой степени можно сказать на основании данных арабских географов о торговле Туркестана эпохи саманидов с Болгарами. Это меха, собольи, беличьи, горностаевы, куньи, лисьи, бобровые, заячьи; бобровая струя, рыбы зубы (т. е. мамонтовая кость), наконец медь, воск⁶.

¹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских... Ибн-Даста, арабского писателя начала X века. ЖМНП. в. СХL. 1868. Стр. 695, 696, 753, 758 след. Бартольд В. В. История Туркестана. 1922. Стр. 15.

² В. С. 284.

³ В. С. 286.

⁴ Предположение о степном пути из Туркестана на Урал принадлежит Ф. А. Теплоухову (ДПЧО и З, стр. 42), но он ошибочно считал этот путь сасанидским.

⁵ Aspelin. De la civilisation... стр. 27.

⁶ Свидетельства Эль-Балхи, Мукаддаси и других. Хвольсон о. с. стр. 746—766.

Интересно, что в дани китайскому императору из Као-чана, государства расположенного на востоке от Турфана фигурируют меха белых и черных соболей; перевод «соболя» очевидно неверен, ибо белых соболей не существует, но вероятно имеется в виду какое-нибудь похожее животное. может быть горностай¹. Сообщение относится к III—VI векам. В виду того, что бедный лесами, большею частью пустынный, Китайский Туркестан пушным зверем не богат, можно высказать предположение, что меха, попадавшие в Као-чан очевидно с запада, может быть происходили именно из Урала. Но это только предположение.

Не можем мы также сказать, добирались ли туркестанцы, согдийцы скажем, прямо до Урала, как в XIX в. караваны бухарцев добирались до Екатеринбурга, или же туркестанское производство попадало на север через посредников, например турков. Более широкая торговая деятельность согдийцев начинается в VI в.² и весьма вероятно, что всадник и другие предметы попали на Урал именно после этого времени.

Резюмируем результаты нашей работы.

1. Туйский всадник бытовал в пермском крае в культуре ломоватовского периода.
2. Туйский всадник вероятно играл известную религиозную роль в этой культуре.
3. Туйский всадник попал в Приуралье из Средней Азии, в частности может быть из современного Китайского Туркестана.
4. Он изготовлен приблизительно в IV—VI вв. н. э.
5. Между Средней Азией и Приуральем существовали связи и в до-мусульманскую эпоху, начиная приблизительно с I—II вв. н. э.
6. Эти связи шли из Туркестана через киргизскую степь.

В заключение считаю своим приятным долгом поблагодарить С. Н. Тройницкого, А. А. Ильина и О. Ф. Вальдгауера за любезно предоставленное разрешение работать в собраниях и библиотеках Эрмитажа, С. Ф. Ольденбурга, О. Ф. Вальдгауера, Г. И. Боровка равно как Ф. А. Розенберга, Р. Р. Фасмера и С. М. Дудина за многочисленные советы и указания, столь облегчившие мои изыскания, а А. А. Спицына помимо ряда указаний также за разрешение пользоваться обильными накопленными им материалами.

Март 1923 г.

А. В. Шмидт.

¹ Григорьев у Риттера о. с. II, стр. 97, (перевод о. Иакинфа).

² Бартольд. ВИВ, стр. 376.

